

Алексей Левинсон: «В обществе отсутствует внимание к проблемам отверженных»

Хотел бы оттолкнуться от того, чем закончил свое выступление Ксавье Эммануэлли: «эту борьбу с социальной исключенностью, отверженностью мы должны вести от имени человечества. Это моральный долг. Если мы этого не сделаем от имени солидарности, тогда порядок наведет полиция. И это самый худший вариант».

Как человек, изучающий российское общество, я должен сказать, что одно из самых главных препятствий на пути построения системы помощи исключенным заключается в том, что большая часть российского общества так и думает: пусть это сделает полиция или какая-то еще другая государственная структура.

В обществе, которое своим главным богатством, своей главной драгоценностью считает собственное государство, - а наше общество именно так устроено, - это естественный ход мысли. То есть он рождается не столько от жестокости или жестокосердости, сколько от отсутствия привычки брать ответственность на себя. Ход рассуждения здесь прост: а что-то, что должно быть сделано, должен отвечать какой-то другой - при этом не другой человек, а другие системы, прежде всего государственные системы.

В последнее время, когда распространились денежные отношения, формула, которая стала популярной, звучит так: есть те люди, которым за это платят. Они и **должны** это делать. Есть врачи, есть служба социальной защиты и т.д. Вот они должны это делать. Что касается самих граждан, то они относятся (это я говорю на основании результатов исследований, которые проводил наш Центр) в принципе позитивно к идее благотворительности, к идее помощи несчастным и т.д. Они заявляют о своей готовности в этом участвовать. Но от заявлений до реальных дел очень большая дистанция.

И что касается реальных дел, то самая частая (у нас нет хорошей статистики), похоже, самая распространенная форма – это направление каких-то средств для благотворительных целей. При этом очень важно, чтобы было возможно минимизировать усилия: скажем, если это сделать очень легко – человек оплачивает квартирную плату, и одновременно получается, что он может оказать кому-то денежную помощь. Это гораздо лучше работает, чем предложение оказать эту помощь в качестве самостоятельного, отдельного действия.

Я бы хотел сказать, что в этом мало естественности. Не надо думать, что люди просто сокращают необходимые усилия. У такого действия гораздо более сложная структура. Люди не хотят совершать чрезвычайные поступки. Они хотят рутинизировать это. Скажем, богатый человек делает распоряжение в банке о том, чтобы автоматически платились деньги детскому дому или больнице – на что-то очень хорошее. И он доволен, но больше всего он доволен тем, что он не должен каждый день об этом думать. Он совершил доброе дело, он спасен – и всё.

Российское общество (это мы заметили уже достаточно давно) несет последствия тяжелой травмы тоталитарного общества - специфической травмы. На протяжении практически всех лет советской власти, буквально с первых месяцев ее существования последовательно уничтожались любые виды общественной самоорганизации. Большевики этого боялись чрезвычайно. Они уничтожали кооперативы, какие-то товарищества обработки земли и неполитические организации. Я уж не говорю о политических партиях. И это продолжалось после смерти Сталина, когда в значительной степени смягчился политический режим, тем не менее создание любой организации власти встречали с очень большой подозрительностью.

Я не хочу говорить о генетической памяти в строгом научном смысле слова, но в качестве метафоры можно сказать, что этот страх вошел в кровь российских граждан. И например, люди готовы помогать друг другу в

формате сетей, организаций: я помогаю тому, кого знаю, он помогает другому, кого знает, и т.д. ... Но когда кто-то предлагает: давайте объединимся в организацию - выясняется, что в организацию, скажем, для помощи кому-то готовы объединяться люди только перед лицом смертельных вызовов.

Например, у матерей детей, больных неизлечимой болезнью, уходит этот страх государства, которое не велит объединяться в организацию. И они объединяются. Матери, которые потерял сыновей, или рискуют потерять сыновей в армии: Комитет солдатских матерей – одна из очень немногих реальных гражданских организаций в России.

Я знаю, что в этом зале сидят люди, которые преодолели этот страх и создали общественные организации. Есть те, кто с ними работает. Я хочу сказать, сам факт того, что кто-то к ним пришел и вместе с ними благотворительствует в нашем обществе, я бы без всяких кавычек назвал маленькими подвигами людей, которые пошли это делать. Пошли не тогда, когда им угрожала смертельная опасность, или когда их ребенок заболел. Те, кто пошел волонтерствовать, живя обычной «советской жизнью», преодолели очень многое. Они не просто расстались с комфортом и пошли на пожар, хотя могли пойти в кино. Они расстались со страхом, что они делают чего-то не то, и они объединяются.

Это первая часть того, что я хотел сказать, реагируя на замечательное выступление, которое мы слышали. У нас есть этого рода трудности.

Второе, что мне хотелось бы сказать, - это то, что у нас среди социально исключенных существует, как мне кажется, несколько категорий. Есть довольно значительная категория, которую обозначают аббревиатурой «бомж», т. е. бездомный, клошар.

Я хотел бы обратить внимание на то, что эти люди исключены из нашего общества, но они образуют **свое** сообщество. И в этом смысле там есть своя социальность, там есть свой телесный контакт, и т.д. Но там

работают какие-то другие мне не известные социальные механизмы, но они там есть и они работают.

Мои коллеги изучали малолетних бездомных. У них есть своя достаточно сильная организация, подобная мафии. По крайней мере, в начале 90-х годов нищие в Москве, появившиеся в большом количестве, имели управляющие структуры. Есть то, о чем много говорят: они собирают деньги, эти деньги они передают кому-то. У них есть структуры защиты, есть пункты помощи, есть места, где они моются. Я говорю не о том, что для них создали благотворительные организации, а о механизмах самопомощи. Это не значит, что этим людям не надо помогать, что у них все хорошо. Но это значит, что, обращаясь к ним, мы прикасаемся не просто к индивиду, совершенно вырванному из общества, а к человеку, который включен в какие-то структуры. Эти структуры могут его к тому же еще держать и не выпускать.

Это одна часть отверженных, или исключенных.

Есть другая часть – отверженные, но находящиеся под определенного рода патронатом государства. Можно начать с младенцев, которые оставлены в родильных домах и дальше – находятся на некотором попечении в государственных домах ребенка. Но уже теперь широко известно, что это, в общем, оттянутая социальная гибель этого человеческого существа.

Есть, наоборот, старики, за которыми есть какого-то рода попечение Отделов социальной защиты и т.д.

Но и первые, и вторые лишены самого главного – того, что им должно дать общество - они лишены, собственно, социальности. Надзор есть. Сохранение физического существования происходит, а социальность отрезана. И таких людей - может быть, счет идет на миллионы. И как ни странно, увеличение продолжительности жизни будет скорее увеличивать долю людей, находящихся в таком положении, чем улучшать жизнь в обществе в целом.

Наконец, есть еще одна группа – это инвалиды и, в частности, дети-инвалиды. Это люди, которые в силу разных причин, в том числе в силу того, как устроена наша среда – среда недружелюбная, где невозможно съехать на коляске или где ребенок вырос до возраста 11-12 лет, и у матери уже нет сил отнести его из кровати в ванную. (Я знаю случаи, когда ребенка-инвалида невозможно пронести в ванную комнату, потому что двери узкие, и матери не разрешают ничего сделать, потому что это будет так называемая перепланировка квартиры.) Мать сталкивается с проблемами, которые нам с вами кажутся безумными. Но эти проблемы есть. И этого ребенка перестают мыть. Мы знаем из того, что только что рассказывал Ксавье Эммануэлли, какие следствия происходят из одного этого обстоятельства.

В обществе отсутствует внимание к проблемам отверженных и отсутствует понимание, что эти проблемы вопиющие, что они требуют решения и перенаправления каких-то денежных потоков, запланированных, возможно, для спортивных мероприятий или еще чего-то. Этого понимания нет в нашем обществе, которое воспитано на том, что быть другим – плохо, а хорошо – быть таким, как все... Этого понимания в обществе, которое самым главным лозунгом считает единство.

Я хочу обратить ваше внимание, что лозунг единства есть у всех политических партий. И демократы, и радикальные националисты утверждают, что они должны быть едины, или что все мы должны быть едины. И кажется кощунственным протестовать против идеи единства. Но мы должны понимать, что у идеи единства как единственной ценности общества есть жертвы. Об этих жертвах мы сегодня говорим. Это не единицы. Если эти жертвы начать считать, счет пойдет опять-таки на миллионы.

Вот то, что мне хотелось сказать в ответ на совершенно замечательный пример гуманизма, где движение сердца соединено с очень высокой медицинской и социальной компетенцией, клиническими описаниями

случаев и с практическими предложениями. Это три компонента, которые все заслуживают величайшего восхищения.